

О. В. ДОЛГОВА

СИНТАКСИС
КАК НАУКА
О ПОСТРОЕНИИ
РЕЧИ

О. В. ДОЛГОВА

СИНТАКСИС
КАК НАУКА
О ПОСТРОЕНИИ
РЕЧИ

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности
«Иностранные языки»

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1980

ББК 81.2 Англ
Д 64

Рецензенты:
кафедра английской филологии
Вильнюсского государственного университета
и доктор филологических наук проф. Блох М. Я.

Долгова О. В.

Д 64 Синтаксис как наука о построении речи: Учеб.
пособие. — М.: Высш. школа, 1980. — 191 с. —
(Б-ка филолога).
В пер.: 55 к.

В пособии рассматриваются наиболее сложные и важные с точки зрения коммуникации вопросы синтаксиса как части языковой системы и его связи с лексико-фразеологической системой языка.

Методологической основой работы являются положения советского языкознания. При освещении теоретических проблем широко привлекаются труды крупнейших русских и советских лингвистов. Особое внимание в книге уделено практической направленности теоретических обобщений и выводов при обучении иностранному языку в высшей школе.

Предназначается для студентов филологических факультетов университетов и педагогических институтов.

Д $\frac{70104-338}{001(01)-80}$ БЗ—4—19—80 4602010000 ББК 81.2 Англ
4И (Англ)

© Издательство «Высшая школа», 1980.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	6
ЧАСТЬ I	
ГЛАВА 1. О методологии «речеведения»	26
ГЛАВА 2. О метаязыке синтаксического описания	36
ГЛАВА 3. О членах предложения	46
ГЛАВА 4. О критерии практики в языкознании	59
 ЧАСТЬ II	
ГЛАВА 1. Синтаксическая связь номинативных единиц в речи и диеремика в прозе и поэзии	70
ГЛАВА 2. Реализация прозаических диерем в поэтическом тексте	86
ГЛАВА 3. Реализация предикативной связи в мерной речи на уровне динамического синтаксиса	123
ГЛАВА 4. К проблеме содержания и выражения синтаксических связей	130
ГЛАВА 5. О роли словосочетания в построении сверхфразового единства	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
ПРИЛОЖЕНИЕ	155
Примечания	168
Библиография	180
Предметный указатель	188

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга посвящена актуальным проблемам изучения синтаксического строя английского языка. Методологической основой работы являются положения советского языкознания, опирающиеся на материалистический подход к изучению языка, противопоставляемый все еще имеющим хождение «теориям», базирующимся на логическом номинализме, неопозитивизме и так называемой «лингвистической философии». В работе широко используются достижения русских, советских языковедов.

Настоящая работа предназначена для студентов-филологов в качестве учебного пособия по курсу теоретической грамматики английского языка (раздел «Синтаксис»). В какой-то мере она продолжает описание результатов исследования основных аспектов синтаксиса естественного человеческого языка, изложенных в монографии «Семиотика неплавной речи». Однако круг проблем, охватываемых в данной работе, более широк и разнообразен. Первая часть работы носит общезыковедческий характер и включает такие важные для современного языкознания проблемы, как вопрос о методологии речеведения, о критерии практики в языкознании. Здесь же сделана попытка проанализировать метаязык синтаксиса. Последняя проблема исключительно важна, так как, к сожалению, языковеды постоянно сталкиваются с трудностями в области метаязыкового описания. В этой же части работы разрабатывается вопрос о членах предложения, излагаются последние достижения в этой области языкознания.

Вторая часть книги посвящается изучению функционирования синтаксических связей в мерной речи. Была сделана попытка показать, что происходит, когда семиотическая система прозаического текста накладывается на знак конца строки речи поэтической. Вопрос этот рассматривается в книге с точки зрения статического и коммуникативно-динамического синтаксиса.

В связи с проблемой выражения синтаксических связей оказалось необходимым обратиться также и к такому малоизученному типу связи, как копулятивная, которая играет значительную роль в построении текста.

Особая глава книги отведена изучению синтаксического построения текста, в частности, сверхфразового единства, минимальной единицей которого является словосочетание (в отличие от предложения, где минимальной единицей выступает слово).

Естественно, книга, охватывающая столь широкий круг проблем, не претендует на исчерпывающую разработку всех аспектов такого сложнейшего явления, как построение человеческой речи. Автор попытался лишь наметить пути дальнейшего исследования в этой области.

Синтаксическая теория, представленная в книге, основывается на учении о построении речи, разработанном классиками советского языкознания и развитом учеными кафедры английского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, которым автор благодарен за ценные советы, данные ему при подготовке книги к печати.

Особую благодарность хотелось бы выразить профессору О. С. Ахмановой за большую помощь, оказанную автору при работе над этой книгой.

Нельзя не высказать своей признательности рецензенту книги, доктору филологических наук М. Я. Блоху за исключительно внимательное прочтение работы, а также коллективному рецензенту, кафедре английского языка Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса, за замечания и предложения, которые очень помогли при доработке рукописи.

О. Долгова

ВВЕДЕНИЕ

Среди бесчисленных метаязыковых единиц, которыми пользуется языкознание, термин «синтаксис» получил в настоящее время непомерное распространение и неоправданно важное место. Под давлением некоторых зарубежных «теорий» грамматика оказалась сведенной к синтаксису, несмотря на то, что морфология словоизменения — наиболее детально изученный аспект языка (по сравнению, например, с лексикологией), причем число и разнообразие важных и глубоких исследований по морфологии и морфологии различных языков чрезвычайно велико. Поэтому исключительную актуальность приобрело выяснение прежде всего собственно металингвистического вопроса: что является предметом «синтаксиса»?

В современном словоупотреблении этот термин нередко связывается с «текстологией». Он употребителен в таких сочетаниях как «синтаксис и семантика» и «семантика синтаксиса».

По определению, данному в «Словаре лингвистических терминов», синтаксис — это раздел языкознания, предметом которого является как предложение, выступающее в качестве основной единицы речи, так и словосочетание, выступающее в качестве сложного, неопредельного составляющего предложения. Теперь в связи с разработкой науки о сверхфразовом единстве предмет этого раздела языкознания колоссально расширяется¹. В составе этого общего определения отчетливо выделяются два основных аспекта синтаксического изучения речи: синтаксис «большой», т. е. раздел синтаксиса, изучающий построение предложения, сверхфразового единства (и, в идеале, глобальный текст), и синтаксис «малый», т. е. раздел синтаксиса, изучающий слож-

ные эквиваленты слов — тех мельчайших (или предельных) единиц языка, «ниже» которых синтаксическое исследование «спускаться» не может. То, что приведенное определение не только вполне адекватно отражает реальное положение дел, но и соответствует принятому в русском и советском языкознании метаязыковому узусу и четко выделяет из всей совокупности грамматических явлений языка именно «синтаксис», не подлежит сомнению. Поэтому ниже речь пойдет не о замене принятого определения другим, а о более широком и полном его толковании.

Среди целого ряда очень важных идей, сформулированных известным советским языковедом А. И. Смирницким, мы находим определение синтаксиса как «учения о построении речи»². В связи с этим возникает вопрос, как интерпретировать и использовать этот краткий тезис? Если мы ограничимся пониманием синтаксиса лишь как совокупности типов сочетаний слов и моделей построения словосочетаний и предложений, которые реально существуют в языке, то мы не только невероятно обедним его содержание, но и пойдем вразрез с положениями, которые уже были детально разработаны ранее на обширном и убедительном материале³.

Если мы будем просто исходить из того, что предметом синтаксиса является предложение — как основная единица речи — и словосочетание — как «составляющая» (constituent) предложения (более протяженные синтаксические единицы как совокупность словосочетаний) — т.е. если мы ограничимся только собственно грамматической стороной вопроса, то мы не вправе определять синтаксис как учение о построении речи. Тогда само построение речи сведется к комбинированию заданных языком синтаксических «каркасов» и «заполнению» составляющих эти «каркасы» полых ячеек «лексическим материалом». Многочисленные исследования позволяют считать доказанным⁴, что построение речи зиждется на диалектическом единстве коллигации и коллокации. Именно среди бесконечного многообразия конкретных воплощений этого единства выявляются «члены предложения» как типичные члены предложения, не являющиеся главными и различающиеся по способу включения в предложение.

В действительности речевого общения непрерывно про-

исходит то, что В. В. Виноградов удачно назвал «сопротивлением лексического материала», т.е. реальная речь осуществляется на основе диалектического единства коллигации и коллокации, поэтому проникновение в сущность речи возможно только при изучении этого единства.

В этой связи следует еще и еще раз подчеркнуть, что синтаксис может мыслиться в отрыве от лексико-фразеологических связей слов и их объединения в более сложные номинативные единицы, из которых построено предложение, только в плане интерлингвистической абстракции, т.е. если полностью абстрагироваться от реальности данного языка (который существует только в речи на данном языке и через эту речь) и представить себе оголенный «скелет» синтаксических конструкций⁵. Как показал многолетний опыт исследования, очень небольшое число языковых конструкций поддается подобному «структурному» изображению. Главное же это то, что, в конечном счете, оно ничего не дает для развития языковедческой науки и не только не помогает повышать культуру речи, но, наоборот, мешает ее развитию.

За истекшие 10 лет стало совершенно ясно, какой вред науке принесли работы, которые полностью порвали с материалистической традицией и на ее место поставили так называемую «несемантическую теорию грамматики» (a totally non-semantic theory of Grammar)⁶.

Понятно, что мысль о возможности выделения несемантического синтаксического каркаса ничего нового собой не представляет. Не только в советском языкознании, но и в многочисленных работах лингвистов различных направлений уже давно и в разных вариантах указывалось на способность человеческого ума абстрагировать от бесчисленного количества предложений и выделять наиболее общие формулы и «скелеты», которых, как всякой абстракции, реально не существует, которые являются результатом выделения из бесчисленного количества реальных употреблений (А. И. Смирницкий, Л. В. Щерба, Ч. Фриз). Так, классическим примером подобных манипуляций стало «предложение» Л. В. Щербы: «глокая куздра штенно будланула бокра и кидлявит бокренка», а также пример, приведенный Ч. Фризом: *the vapy koobs dasaled the citar molently*⁷.

Делались также попытки выделить окончания без использования неморфологизированных последовательностей фонем, как например, у А. И. Смирницкого х у-ed Z, у Л. В. Щербы -ая, -а, -у, -а, у Ч. Фриза⁸:

Tw-as-, and the -y-s
 Did-and-in the -
 All -y were the -s
 and the -s -

Говоря о достижениях советского языкознания, нельзя не сказать и о разработке проблем динамического синтаксиса, функциональной перспективы предложения и сверхфразового единства. По-видимому, только на этой основе может развиваться «научная текстология», осуществляться переход от отдельно взятого предложения к перспективе сверхфразового единства и, далее, к динамическому построению всего текста. Ясно, что реальное построение конкретных произведений речи, определяемое прежде всего выбором той или иной просодии, требует изучения целого ряда более частных вопросов, таких как реализация или нереализация предиктирующей паузы, способы выражения предикации, иногда противоречивые отношения между содержанием синтаксических отношений и их выражением и т. д.⁹ Отсюда — решающая, ведущая роль просодии, наиболее полно раскрывающей суть синтаксического содержания и восполняющей пробелы других способов синтаксического выражения, о чем свидетельствуют, в частности, работы, посвященные синтаксису разговорной речи¹⁰.

К динамическому синтаксису в его просодической сущности принадлежит и изучение закономерностей парентетического внесения. Как известно из другого исследования¹¹, этим термином охватываются разнообразные явления от пауз и вводных слов до целых предложений, нарушающих плавное течение речи. Можно считать доказанным, что парентетические внесения могут органически входить в речь, находясь в непосредственной связи с выражением предикации, так как при наличии парентетического внесения, в особенности наиболее типичного и краткого, предиктирующая пауза оказывается как бы вытесненной более сложным выражением предикативного отношения¹².

Значительное место в учении о построении речи, созданном советским языкознанием, занимает проблема фразировки текста¹³. Сам этот термин используется главным образом в контексте высших форм словесно-художественного творчества и пока еще не проник в те регистры речи, которые составляют основной предмет настоящей работы. Именно для регистра (или функционального стиля) научной речи особенно важно, наконец, добиться подлинного единства теории и практики в этом вопросе.

Языковедение принципиально отличается от интерлингвистики, от всевозможных логико-математических абстрактных теорий, которые направлены на удовлетворение ограниченных и специфических потребностей передачи и получения информации¹⁴. Языковеду в его опыте дана речь и прежде всего «звучащая» речь, «внутренняя» и «внешняя». Конечно, при анализе высокоразвитых языков нельзя пренебрегать и огромным корпусом письменных текстов. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы, изучая речь, понять законы ее построения. Главным из них является закон диалектического единства коллигации и коллокации, т.е. диалектическое единство просодико-синтаксической и лексико-фразеологической сторон всякого высказывания, независимо от его протяженности.

Большое внимание в книге уделено вопросу о так называемой «амбигуентности» (ambiguity). Это слово переводится как «бессмысленность» и имеет в русском языке пейоративную коннотацию, которая английскому термину «ambiguity», конечно, не присуща. В так называемую «теоретическую лингвистику» это понятие перенесено из формальной логики. Напомним, что для последней разработка разных способов изучения предложений как логически цельных единиц именно с сугубо формальной точки зрения всегда была в центре внимания. Вызывает удивление, каким образом логически простое предложение осложняется дополнительными конструкциями, когда логика продолжает свои операции, связанные с первоначальным предложением-суждением.

Формальная логика, естественно, ищет опоры для своих положений в пропозициональных предложениях, т.е. в совершенно абстрактно мыслимых «суждениях». Но при всем желании перейти прямо в символику математической ло-

гики никому еще не удалось. Как бы ни развивалась эта символика, при всех условиях она воспринимается и не может не восприниматься как перевод с естественного человеческого языка. Поэтому логики пытаются из естественного человеческого языка препарировать объекты, которые затем смогли бы по-разному развиваться, и, в частности, именно на этом пути и обнаруживается, что естественные человеческие слова, хотя они как будто сочетаются «строго по правилам», очень часто выходят из-под контроля и начинают вести себя нелогически.

Но вернемся к явлению «амбигуентности» и постараемся понять, почему продолжают настаивать на его языковой природе, хотя на самом деле в распространенном теперь толковании оно всецело принадлежит логике. Иначе говоря, постараемся дать языковедческое освещение этого явления, исходя из того, что учение о построении речи не может пройти мимо него. Оно должно быть объяснено и названо по-русски (в частности, английская «лингвистика» посвятила описанию этого явления не одну тысячу страниц).

Употребляя термин «амбигуентность» (*ambiguity*), лингвисты не различают лексической и синтаксической сторон вопроса, а главное не принимают во внимание огромные различия, которые мы можем четко провести на основании всего достигнутого. Не учитываются различия между амбигуентностью как отрицательным явлением (тем, что не должно допускаться при обучении построению речи и что является следствием недостаточной обученности человека правилам нормализованной, синтаксически упорядоченной речи) и явлениями, которые создаются непоследовательностями в самой системе языка. Но, разумеется, мы ничего не сможем достигнуть в этой области, не ответив на такие важнейшие вопросы, как: существуют ли в языке, реализуются ли в речи «должным образом организованные предложения» (*properly-formatted sentences*), т.е. высказывания, приемлемые для школьного преподавания, редактирования, стенографирования и т.д., учат ли и можно ли научить грамотному синтаксису и существует ли правильный синтаксис вообще. Мы уверены, что основная задача исследования этого раздела языкознания заключается в том, чтобы еще раз с полной ясностью обосновать следующий

тезис: правильной речи необходимо обучать, причем мы имеем в виду речь, которая отвечает всем элементарным стилистическим и риторическим нормам. Поэтому многое в «синтаксической амбигуентности» (*syntactic ambiguity*) можно отнести просто к неграмотности людей, которых не учат работать над текстом.

Далее мы переходим к описанию тех случаев, когда в самой синтаксической системе кроются предпосылки для амбигуентности. Об этом мы говорим в другом ключе, так как здесь есть свои ингерентные, языку свойственные особенности построения речи, которыми стали все больше пользоваться из-за тенденции к недостаточному употреблению знаков препинания (*understopping*)¹⁵. Вырисовывается довольно любопытная картина: в языке уже ингерентно заложены возможность и предпосылки амбигуентности. Их можно избежать, если понять сущность просодии как ингерентного свойства языка, объективно данного во внутренней речи пользующихся языком. В письменной речи просодия принимает в системе пунктуации строго формальный характер, благодаря чему становится намного легче отражать на письме то, что действительно происходит в реальности.

В ряде работ к синтаксической амбигуентности неправомерно относят и так называемую лексическую амбигуентность (*lexical ambiguity*). Сюда же нередко попадает и полисемия слова. То, что в языке нет абсолютно однозначных слов — общеизвестный факт. Слова, за исключением терминов, естественно, имеют несколько значений. Интересно отметить в этой связи, что Эрик Парtridge под словом (вокабулой) *ambiguity* приводит примеры в основном из области поэтического словоупотребления, находящегося на пересечении семантического и метасемиотического уровней. При этом ему не удается разграничить 1) логические дефекты; 2) ошибки, совершаемые людьми, не владеющими в достаточной степени правилами синтаксиса; 3) собственно языковые, ингерентные предпосылки для возникновения амбигуентности при построении речи, развиваемые и укрепляемые на почве явления *understopping* и, наконец, 4) метасемиотическую полифонию слова. Понятно, что на метасемиотическом уровне амбигуентность становится явлением уже совершенно иного порядка — это не ошибка,

а намеренное использование полифонических свойств синтаксиса. Следует подчеркнуть: запутывать и «затемнять» речь можно не только в области лексической полифонии. Синтаксическую амбигуэнтность также, как и полифонию лексическую, можно сколько угодно обыгрывать на мета-семиотическом уровне — уровне стилистики с присущем ей воспроизведением древних фигур речи со всевозможными видами «игры» с языком для достижения особых экспрессивных эффектов.

Оценивая состояние науки в этой области, нельзя не пожалеть о том, что так много внимания уделяют пропозициональным предложениям, имея дело по существу с другим предметом, а не языкознанием, тогда как подлинными проявлениями амбигуэнтности в языке никто пока не занимается.

* * *

В начале книги освещаются ее методологические предпосылки. Языковедческое исследование идет по двум основным линиям: с одной стороны — накопление материала и с другой — развитие теоретических обобщений.

Когда мы говорим о синтаксисе как учении о построении речи, мы имеем в виду построение реальной человеческой речи принципиально во всех ее регистрах и разновидностях. Сейчас мы можем говорить о построении речи в целом потому, что отдельные регистры и разновидности, отдельные аспекты ее построения уже достаточно изучены. Ранее нами была сделана попытка обобщить наиболее существенные достижения в этой области¹⁶. Это дало нам возможность яснее представить себе, какие проблемы этого аспекта языка наиболее актуальны.

Важное место среди первоочередных проблем занимает вопрос о просодии. Синтаксис немислим без просодии, и последняя не существует отдельно от синтаксиса. Если мы смотрим на построение речи в плане коллигации, то мы прежде всего должны изучить ее просодию, помня о том, что просодия имеет свою «грамматику», что каждое просодическое явление синтаксически обусловлено. Поэтому все и всякие попытки строить синтаксис как науку о логическом строении предложения или его психологических осно-

вах заранее обречены на полную неудачу: их становится все труднее и труднее выдавать за подлинную часть науки о языке.

Важнейшей отличительной чертой советского языкознания является то, что оно принципиально не допускает ограничения языковедческого исследования простым описанием. Поэтому все крупнейшие советские языковеды всегда проявляли живейший интерес к практике преподавания языка, постоянно следили за научной нормализацией речи, проявляли постоянную заботу о развитии основ литературного редактирования, остро реагировали на извращение синтактико-стилистических норм языка. В центре внимания всегда стоял вопрос об оптимальном построении речи, поскольку язык как важнейшее средство человеческого общения служит не только для непосредственной передачи мыслей, но и для передачи их на расстояние в пространстве и во времени. В связи с этим проблема культуры нашей речи вообще, и речи филологов в частности, становится все более актуальной. Задача данной книги состоит в том, чтобы наметить пути исправления создавшегося положения в области культуры речи — аспекта языка, не получившего еще достаточного освещения в нашей и зарубежной лингвистической литературе.

* * *

Синтаксическая теория, разработанная ведущими советскими языковедами, опирающимися на положения марксистско-ленинской методологии, создает прочную основу для всей педагогической деятельности в этой области, для повышения культуры речи и развития смежных наук.

Иначе говоря, (как известно из обширной литературы вопроса¹⁷) учение о построении речи опирается на главную единицу языка, основу его материальности — слово как предельную составляющую предложения, способную непосредственно соотноситься с предметом мысли в виде обобщенного отражения данного участка действительности и направляться, указывать на эту последнюю. Поэтому слово приобретает свои лексические или вещественные свойства.

Приведенное определение — языковедческое определе-

ние слова. Но в обширной литературе, посвященной проблемам языка и мышления, лингвистической относительности и др., упор делается на втором из приведенных аспектов этого сложнейшего явления. В этом плане, как можно заключить из сказанного выше, в центре внимания оказывается слово как обобщенное отражение данного участка действительности, как определенная единица, способная непосредственно направляться на эту последнюю, что и сообщает слову его лексические или вещественные свойства.

При изучении этих проблем ученые, исходя из ленинской теории отражения, вполне правомерно подчеркивают двуединый характер отражения действительности в процессе первичного человеческого познания. В основополагающих работах показано, как осуществляется познание окружающего мира путем постепенного усвоения ребенком звуковых комплексов, конвенционально и устойчиво в человеческом обществе связанных или соотнесенных с определенными участками действительности. Иначе говоря, можно считать доказанным, что, познавая окружающие предметы действительности, человек одновременно усваивает и те конвенциональные звуковые комплексы, которые соответствуют отраженным в его сознании обобщенным представлениям о предметах, процессах, явлениях и т.д.

В процессе исторического развития естественного человеческого языка постепенно накапливается большое количество более или менее устойчивых сложных эквивалентов слов, функционально от них неотличимых. На основе блестящих работ, с исчерпывающей полнотой описывающих систему словосочетаний русского языка¹⁸, может быть сделан вывод о том, что в каждом языке существует определенный набор собственно грамматических моделей, правил коллигационного сочетания слов, определяющих синтагматические и синтаксические правила их сочетания в номинативных единицах речи. Эти последние характеризуются тем, что, как бы сложны они (словосочетания) ни были и сколько бы ни увеличивался объем этого рода единиц по их протяженности, все равно они остаются функционально, с точки зрения построения речи, эквивалентами слова и, следовательно, материальной основой всякого речевого произведения. Их фактическое разнообразие опре-

деляется тем, что разные люди создают их для разных целей, в разных ситуациях.

Эта линия исследования, т.е. особые и специфические проблемы коллокации лексико-фразеологических связей слов, разрабатывается у нас уже давно, причем особое внимание уделяется лексико-фразеологическим ограничениям, накладываемым на словосочетания, на образование сложных эквивалентов слова и др. В контексте настоящей работы вопрос о номинативной единице важен потому, что синтаксис словосочетания должен трактоваться в терминах функциональной эквивалентности «номинативных» сложных конструкций слову, как своеобразных «минимумов предложения». Добавим, что, хотя сложные номинативные единицы и не являются минимальными в том смысле, в каком минимальным является слово, однако с точки зрения «большого» синтаксиса они функционально сближаются с предельной единицей, т. е. словом. Поэтому бесспорными и убедительными являются положения, например В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого и др., которые объединяют их со словами под общим названием «номинативные единицы речи».

Итак, в основе учения о построении речи лежит вполне определенное понятие о том, что речь начинается именно с единиц и правил их сочетания. Этот момент имеет первостепенное методологическое значение. Методологически необходимо отметить, что обладающие разной степенью устойчивости функциональные предельные составляющие предложения онтологически первичны. Именно они являются первоосновой высказывания. Подчеркнуть онтологическую первичность слова (и соответствующих ему сложных номинативных единиц) чрезвычайно важно. В нашей языковедческой литературе вновь и вновь разъясняется методологическое значение этого положения¹⁸. Первичными являются соотносящиеся предметы, а не отношения между ними. Всякие попытки сводить язык вообще, и синтаксис в частности, к системе отношений представляются методологически совершенно неприемлемыми.

Номинативные единицы, заданные языком и занимающие совершенно определенное место в социалингвистической системе говорящего, обладают способностью соединяться друг с другом по правилам, которые как бы над-